

УДК 94(470.6)»1920»

ПАНКОВА-КОЗОЧКИНА Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М.И. Платова (346428, Россия, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132; p_k_t_v@mail.ru)

НЭПОВСКИЙ ПРОДНАЛОГ: РЕАЛЬНОСТЬ ВМЕСТО МИФА

Аннотация. В статье на материалах Юга России вносятся существенные дополнения в широко распространенные исторические представления о продовольственном налоге, введенном в результате перехода к новой экономической политике. Доказывается, что продналог неоднозначно воспринимался сельским населением, служил инструментом социально-классовой политики и не решил в полном объеме экономическую задачу восстановления разрушенного сельского хозяйства после окончания Гражданской войны. **Ключевые слова:** бедняки, большевики, зажиточные, казаки, крестьяне, кулаки, «культурники», продналог, продразверстка, середняки

Традиционно новая экономическая политика в отечественной истории ассоциируется с введением продовольственного налога, и это неоспоримый исторический факт. Однако наличествующие оценки степени решения с помощью продналога основных аграрных проблем вызывают у специалистов серьезные вопросы. Продналог и практика его сбора в разоренной деревне хотя и отличались в лучшую сторону от продразверстки, но, увы, затруднили темпы восстановления крестьянско-казачьего хозяйства на Юге России.

По свидетельствам источников, многие южнороссийские земледельцы настороженно и недоверчиво встретили информацию о замене продразверстки продналогом: «[хлеборобы] к продналогу относятся сочувственно, но не доверяют»¹, «крестьянство и казачество втихомолку ведет разговоры, что это новая хитрость [большевиков]»². Основания для недоверия у крестьян и казаков имелись. В ряде случаев правила сбора продналога стали для земледельцев даже тяжелее, чем продразверстка. По свидетельству Ставропольского губкома РКП(б) осенью 1921 г., крестьяне первоначально радовались продналогу, упоывая на его незначительность, «когда же поняли, что налог им придется платить со всей пашни, а не с фактического засева в хозяйстве, ...начали выражать недовольство»³. Продналогом облагалась вся, а не только обработанная земельная площадь в крестьянско-казачьих хозяйствах. Это была разумная мера, призванная стимулировать восстановление хозяйства. Но в условиях разрухи такие правила били по интересам земледельцев: будучи разорены, они не могли обработать всю свою землю, в результате чего получали низкий урожай, при котором размеры продналога выглядели значительными по сравнению с продразверсткой, которая взималась с фактического урожая. А посему в сентябре 1921 г., когда пришла пора сбора продналога, в ЦК РКП(б) посыпались жалобы с мест на объем налогового бремени, ведь зачастую «продналог в два и больше раза выше продразверстки»⁴.

¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 75. Оп. 1. Д. 20. Л. 28, 28а.

² Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 6.

³ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 2684. Л. 5.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 86. Д. 176. Л. 4.

Крестьян и казаков Дона, Кубани и Ставрополя (как и других регионов РСФСР), рассчитывавших при отмене продразверстки на несколько иные результаты, не удовлетворяло сложившееся положение. Если сначала земледельцы возмущались продразверсткой, требуя создать такой порядок, когда «землероб свои излишки свободно обменивает на рынке»¹, то при продналоге они просили уменьшить его размеры. Для советской литературы типичны утверждения о ситуации в 1922 г., когда «продразверстка была заменена продналогом, и крестьянин получил возможность свободно распоряжаться излишками произведенных им сельскохозяйственных продуктов, т.е. когда интересы крестьянства были удовлетворены, уже нельзя было говорить о каких-то разногласиях между крестьянством и Советским правительством» [Супрунова 1968: 44]. Но эти утверждения были излишне оптимистичными, ибо в источниках нередко содержатся примеры недовольства хлеборобов продналогом. Даже на столь важном партийном форуме, как II Юго-Восточная краевая партконференция в мае 1924 г., представитель крестьян по фамилии Величко обратился к высокому начальству: «Просим все крестьяне рабочую власть, чтобы нам облегчение было по продналогу»².

В ряде случаев власть откликалась на просьбы земледельцев уменьшить налог, хотя обычно это происходило лишь после выяснения завышенности налоговых заданий и нереальности их выполнения. Так, в 1921 г. в Донской области сбор продналога продвигался с большим трудом, и регион занесли на «черную доску»³, хотя к широкой «чернодосочной» репрессивной практике большевики вернутся в 1930-е гг. [Скорик 2009: 182-187]. А пока только двукратное снижение размеров налога позволило его выполнить к ноябрю того же года на 75%⁴. Чаще, однако, руководящие лица не снисходили к просьбам хлеборобов и использовали административные меры. В 1923 г., по признаниям партийных функционеров Юго-Востока, для сбора продналога «пришлось стать на путь репрессий»: в одной лишь Ставропольской губернии за уклонение от уплаты налога арестовали не менее 7 тыс. чел.⁵ Применялась также конфискация имущества неплательщиков, о чем говорили лидеры Кубанской парторганизации⁶.

В 1923 г. натуральный продовольственный налог, а также ряд других налогов и сборов заменили единым сельскохозяйственным налогом (ЕСХН), который сначала взимался в натуральной и денежной формах, а с 1924 г. — только деньгами. Эта реформа содействовала восстановлению нормальных торговых связей между городом и деревней и, как следствие, развитию сельского хозяйства и промышленности. Способствовала она и некоторому усилению просоветских настроений среди крестьянства, выражавшего удовлетворение заменой разных налогов и сборов единым налогом. Впрочем, на практике он оказался не таким уж и единым. Как говорили в 1925 г. крестьяне хутора Полтавского при станции Степной Северо-Кавказской железной дороги, «[надо, чтобы] при взимании налога он был действительно единым[,] и им бы не пришлось вносить каких-либо других налогов вроде самообложений и т.п.»⁷. Но наряду с ЕСХН, отмечал в том же году Хоперский окружком компартии, одновременно «взыскиваются семсуда, прошлогодние недоимки, фуражный кредит, страховка, и все это в

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 85. Д. 1. Л. 17.

² РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

³ Баев Н. Укор Дону. — *Красный Дон*. 1921. № 15. С. 15.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 104. Л. 2; Д. 130. Л. 17.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 45. Л. 7.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 20. Л. 5.

⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 572. Л. 11.

общей сложности составляет немалую сумму выплаты, падающей на одно сельское хозяйство»¹.

Преимущество налоговой политики советской власти при переходе к ЕСХН выразилось в его прогрессивном характере: зажиточные хозяйства облагались по высоким ставкам, бедняцкие платили минимум налога или вовсе освобождались от него; налоговые льготы предоставлялись кооперативным объединениям и коллективным хозяйствам. Как отмечают исследователи, в 1923 г. из 3,5 млн руб. денежных налогов по Кубано-Черноморской области на зажиточные слои населения приходилось 3,1 млн руб. [Варнавских 1992: 74]. Безусловно, прогрессивное налогообложение полностью соответствовало классовым установкам большевиков и представлениям крестьянства (в более широком плане – всего российского общества) о социальной справедливости. Однако оно вовсе не способствовало укреплению и развитию в деревне развитых (в т.ч. «культурных») и мощных хозяйств, выступавших базой фермерской модернизации аграрного сектора.

Правда, советское законодательство предусматривало льготы для хозяйств, внедрявших инновационные приемы земледелия, выращивание ценных культур (хлопок, лен и пр.), разведение породистого скота и т.д. Здесь заметно стремление оградить интересы хозяйств «культурников» подобно тому, как ранее хозяйства, проводившие мелиоративные работы и другие меры для повышения плодородия своих участков, выводились из-под действия общинного передельного механизма. Представители власти уделяли повышенное внимание льготам для развитых и «культурных» хозяйств в середине 1920-х гг., когда действовал новый тактический курс компартии – «лицом к деревне».

Одновременно выросли ставки налогов на зажиточные хозяйства. В целом по стране в 1926 г. ЕСХН составлял в общей сумме всех платежей бедняцко-среднеяцких групп 4,8%, а предпринимательской группы – 39,4%, или в 8 раз больше [Рогалина 1978: 17]. Весной 1927 г. правительственная комиссия под председательством М.И. Фрумкина занялась доработкой правил взимания ЕСХН, взяв курс на повышение налогообложения зажиточных земледельцев. Для них, особенно причисленных к «кулачеству», размер ЕСХН повышался весьма значительно. Если для хозяйств с годовым доходом в 300–400 руб. планировалось увеличить сельхозналог на 31,56%, то годовой доход в 500–600 руб. влек увеличение налога более чем на 74%, доход в 900–1 000 руб. – на 88,3%. Если в 1927–1928 гг. 46,9% всех платежей по налогам давали 12,38% наиболее мощных хозяйств, то в 1928–1929 гг. государство рассчитывало взять 58,9% возложенной на всю деревню суммы ЕСХН².

Запланированное повышение ЕСХН затронуло столь важные аграрные регионы, как Дон, Кубань и Ставрополье. Согласно протоколу XII Сталинградской губернской партийной конференции (декабрь 1926 г.), «на кулацкую верхушку падает главная тяжесть налога», и потому 12% крестьян губернии должны выполнить более половины ЕСХН³. На Кубани в 1926 г. беднейшие хозяйства дали 3,4% собранных налогов, середняцкие – 50%, кулацкие – 45% налога. Средний налог хозяйства кулака превосходил налог бедняцкого хозяйства в 27 раз [Варнавских 1992: 74], причем представители власти требовали увеличить налоговый гнет

¹ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 333. Л. 4.

² Докладная записка председателя комиссии по выработке проекта изменений в законе о сельскохозяйственном налоге М.И. Фрумкина в Совнарком СССР о результатах работы комиссии. 7 марта 1927 г. – «Тянут с мужика последние жилы...»: *Налоговая политика в деревне (1928–1937 гг.)*: сборник документов и материалов (отв. ред. Н.А. Ивницкий). М.: Собрание. 2007. С. 47–48, 49.

³ ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 138. Л. 8.

на кулака и полностью снять налоги с бедноты¹. В целом, в 1928–1929 гг. на Северном Кавказе ставка ЕСХН для кулаков и зажиточных возросла на 53%, а для наиболее мощных хозяйств (они составляли 1,6% общего числа крестьянских дворов) ставка налога увеличилась почти вдвое – на 91% [Осколков 1973: 120]. В эмигрантском издании «Борьба за Россию» (№ 25 от 14 мая 1927 г.) в статье «Как свалить большевиков?» иронизировали: «Власть называется крестьянской, а с деревней она обращается по правилу: земля ваша, а урожай наш, корова ваша, а молоко наше»². В письме в редакцию «Правды» Н.Е. Михайлович из станицы Ново-Щербиновской Ейского района Северо-Кавказского края в июне 1928 г. отмечал, что хлебозаготовительная кампания «у нас ничем не отличается от разверстки 1921 года»³. Более того, «большевики столкнули своей аграрной политикой казаков с крестьянами, поскольку проводившаяся ими национализация войсковых земель на Дону разрушала экономические основы казачьей общности» [Давидович, Скорик 1996: 240].

Резкий рост налогового бремени на зажиточные хозяйства и проведение «чрезвычайных» хлебозаготовок встретили противодействие со стороны умеренных лидеров компартии, правильно трактовавших эти явления как переход к свертыванию нэпа. Однако Сталин и его сторонники думали иначе, о чем свидетельствуют заявления генсека о необходимости «покрыть все районы нашей страны, без исключения, колхозами» [Сталин 1953: 7].

В оценке налогообложения хлеборобы широко использовали нецензурную лексику: «на деревню плюют в буквальном смысле слова» и отмечали, что прокрестьянские лозунги большевиков середины 1920-х гг. оказались пустым звуком: «говорили, надо лицом к деревне, а вышло задом»⁴. В крестьянском эпистолярии критиковали советские налоги: «при царе налог взимался с... десятины по два рубля», а теперь «по 7 руб. 30 коп.»⁵ Часть крестьян, особенно крестьянки, в условиях нестабильности нэпа находили выход в религиозной молитве: «обратиться к Богу, и на душе легче станет» [Багдасарян, Скорик 2012: 42].

Кроме того, крестьяне пытались уклониться от ужесточившегося давления, используя распространенные и ранее методы: подкуп местных властей, сокрытие истинных размеров хозяйства. Еще до «чрезвычайщины» хлеборобы нередко скрывали свои посевы от учета, о чем, например, сообщила администрация станицы Ольгинской Донского округа в 1926 г.⁶ Наиболее широко подобная стратегия применялась зажиточной верхушкой села, имевшей средства и связи, чтобы путем подкупа работников сельсоветов уменьшить налоговое бремя, скрыть площадь пашни, размеры хозяйства и т.п. За определенную мзду сотрудники сельсоветов облагали кулацкое хозяйство налогом не по повышенной норме, а по средняцкой или, более того, бедняцкой⁷. Но, делая побрякушку настоящим кулакам, сельсоветчики зачастую неправомочно причисляли к кулацким средняцкие хозяйства, которые разово нанимали батраков («только на неуправку»), то есть на время основных сельхозработ⁸.

¹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-360. Оп. 1. Д. 22. Л. 24(об).

² ГАКК. Ф. Р-360. Оп. 1. Д. 22. Л. 178(об).

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 318. Л. 59.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 318. Л. 40, 42.

⁵ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 5. Д. 58. Л. 125.

⁶ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 50. Л. 13(об).

⁷ Из обзора Информационного отдела ОГПУ о политическом состоянии СССР за декабрь 1927 г. (январь 1928 г.). – *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы*. В 5 т. 1927–1939. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 (отв. ред. В. Данилов). М.: РОССПЭН. 1999. С. 125.

⁸ История семьи Калиновых. Из воспоминаний Ольги Семеновны Калиновой (хутор Дамановка Даниловского района Волгоградской области). Запись Валерия Виноградского. 1992 г. – *Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах* (сост. и обр. Е.М. Ковалев). М. 1996. С. 261.

В 1927 г. Кубанский окружком ВКП(б) констатировал, что «подъем земледелия в Округе к довоенному уровню, как известно, затянулся»; посевные площади составляли 84% к 1913 г., рабочий скот – 69%, валовая продукция – 89%¹. Кубань не являлась печальным исключением из правила, ибо те же тенденции отчетливо проявились по всему Югу России. В 1927 г. посевная площадь в Северо-Кавказском крае равнялась 9,9 млн га, или 88,2% уровня 1913 г. [Чернопицкий 1987: 84]. В Шахтинско-Донецком округе в 1916 г. посевы занимали 827 тыс. дес., в 1923 г. – 395,4 тыс. дес. (47% уровня 1916 г.), в 1926 г. – только 478,9 тыс. дес. (58% к 1916 г.)². Сложившаяся в аграрном производстве ситуация не добавляла оптимизма и в самом конце 1920-х гг. В начале 1929 г. руководящие работники Северо-Кавказского края с тревогой указывали, что посевы зерновых культур по СССР достигнут 90% уровня 1913 г., а на Юге России – не более 72,4%³.

Таким образом, введение и применение продовольственного налога в ходе осуществления новой экономической политики сопровождалось серьезными историческими коллизиями и решило задачу восстановления сельского хозяйства лишь в основном. Но этот вывод не отменяет прогрессивного характера продналога, а вносит существенное уточнение в его понимание.

Список литературы

Багдасарян С.Д., Скорик А.П. 2012. Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы. Новочеркасск: Лик. 239 с.

Варнавских И.А. 1992. Продналог и процесс «расказачивания» на Кубани. – Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. Тезисы докл. науч. конф. (К 200-летию основания города Екатеринодара и 43 кубанских станиц). Краснодар: Советская Кубань. С. 72-75.

Давидович В.Е., Скорик А.П. 1996. Исторический социотип донской казачьей субкультуры. – Цивилизации и культуры: научный альманах. М.: Институт востоковедения РАН. С. 226-250.

Осколков Е.Н. 1973. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ. 311 с.

Роголина Н.Л. 1978. Критика новейшей буржуазной англо-американской историографии советского крестьянства в переходный от капитализма к социализму период. – Вопросы методологии и истории исторической науки. Вып. 2 (отв. ред. Ю.С. Кукушкин). М.: Изд-во МГУ. С. 4-27.

Скорик А.П. 2009. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований: дис. ... д.и.н. Ставрополь. 540 с.

Сталин И.В. 1953. О хлебозаготовках и перспективах развития сельского хозяйства. Из выступлений в различных районах Сибири в январе 1928 г. – Сочинения. Т. 11. М.: Госполитиздат. С. 1-9.

Супрунова К.М. 1968. Английский журнал «Экономический обзор» о новой экономической политике в Советской России (1921–1925 гг.) – Из истории партийных организаций Краснодарского края (отв. ред. И.И. Алексеенко). Краснодар. С. 40-48.

Чернопицкий П.Г. 1987. Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ. 232 с.

¹ Информационное письмо Кубанского окружкома ВКП(б) парторганизациям. Июль 1927 г. Краснодар. 1927. С. 6.

² ЦДНИРО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 97. Л. 3.

³ Доклад Циклина «О контрольных цифрах народного хозяйства края на 1928–1929 г.» на IV пленуме крайисполкома. – *Молот*. 1929. 4 янв.

PANKOVA-KOZOCHKINA Tatiana Viktorovna, *Dr.Sci. (Hist.)*, Professor of the Chair of Theory of State and Law and National History, M.I. Platov South-Russian State Polytechnical University (Novocherkassk Polytechnic Institute) (132 Prosveshcheniya St, Novocherkassk, Rostov Region, Russia, 346428; p_k_t_v@mail.ru)

AGRICULTURAL TAX DURING THE NEW ECONOMIC POLICY: REALITY INSTEAD OF MYTH

Abstract. *On the materials of the South of Russia, the article introduces important additions to the historical ideas about the agricultural tax, which was imposed in the process of transition to a new economic policy. The author proves that the rural population ambiguously perceived this tax, which served as an instrument of social and class policy. The agricultural tax did not fully solve the economic task of restoring the agriculture, destroyed during the Civil War.*

Keywords: *poor people, Bolsheviks, prosperous peasants, Cossacks, peasants, rich peasants (kulaks), «cultivators» (peasants who competently conducted their business), agricultural tax, requisitioning, middle peasants*